

УДК 159.96
ББК 88.6
С15

Серия «Шляпа Оливера Сакса»

Oliver Sacks
SEEING VOICES

Перевод с английского *А. Анваера*
Компьютерный дизайн *Я. Паламарчук*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
The Wylie Agency (UK) Ltd.

Сакс, Оливер.

С15 Зримые голоса / Оливер Сакс ; [перевод с английского А. Н. Анваера]. — Москва : АСТ, 2019. — 288 с. — (Шляпа Оливера Сакса).

ISBN 978-5-17-118960-0

«Язык жестов» глухонемых.

Что он собой представляет — пантомиму, более или менее удачно иллюстрирующую фонетическую речь? Или самостоятельный язык, обладающий собственной грамматикой и семантикой и ни в чем не уступающий устной речи?

В работе «Зримые голоса» — одном из самых интересных своих произведений — Оливер Сакс выдвигает смелую и оригинальную теорию, согласно которой именно язык жестов — подлинный и первоначальный язык головного мозга.

Однако главную ценность книги составляют реальные истории людей с ограниченными возможностями, не просто боровшихся за полноценную жизнь, но и победивших в этой борьбе!..

УДК 159.96
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-118960-0

© Oliver Sacks, 1989, 1990
© Перевод. А. Анваер, 2019
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

Содержание

Предисловие	9
Мир глухих	19
Мышление в жестах	50
Революция глухих	131
Примечания	169
Литература	262
Избранная библиография	273

*Посвящается
Изабель Рапен,
Бобу Джонсону,
Бобу Сильверсу
и Кейт Эдгар*

Язык жестов в руках тех, кто им владеет, — самый красивый и выразительный язык, которому — в качестве средства общения и средства обратиться к сознанию глухих — ни в природе, ни в искусстве нет достойной замены.

Люди, не владеющие этим языком, не в состоянии осознать все возможности, которые он открывает глухим, понять его мощное влияние на нравственное и общественное счастье тех, кто лишен слуха. Тот, кто не знает языка жестов, не сможет оценить его чудесной способности доносить мысли до интеллекта, который в противном случае был бы обречен на пребывание в вечной тьме. Не сможет такой человек понять и важности этого языка для глухих. Пока на Земле живут хотя бы двое глухих, будет существовать и язык жестов.

*Дж. Шюйлер Лонг,
заведующий учебной частью школы
для глухих штата Айова,
«Язык жестов» (1910)*

Предисловие

Всего три года назад я не имел ни малейшего представления о жизни глухих и даже не мог себе представить, что знакомство с ними подарит мне столько открытий, и прежде всего в сфере языка. Я был поражен, узнав историю глухих, познакомившись с чрезвычайно тяжелой (лингвистической) ситуацией, с которой им приходится сталкиваться, и с визуальным языком, языком жестов, кардинально отличающимся от моего собственного языка — языка речи¹. Мы очень легко принимаем наш родной язык за нечто данное нам свыше и не подозреваем, что есть другие, работающие по иным законам языка, способные удивить нас своим строением.

Когда я впервые прочитал о глухих и об уникальной структуре языка жестов, мне захотелось исследовать его глубже, совершить в него «путешествие». Это желание привело меня к глухим людям, в их семьи; в Галлоде — уникальный, единственный в мире университет для глухих. Я побывал на Мартас-Винъярд, где издавна жила колония людей, страдавших наследственной глухотой, и где все — и глухие, и слышащие — владели местным

языком жестов. Я посетил города Фримонт и Рочестер, где сосуществуют общины глухих и плохо слышащих. Это «путешествие» дало мне возможность узнать великих ученых и исследователей, знатоков языка жестов и познакомиться с условиями жизни глухих людей. Эти новые знания открыли мне неизвестную сторону человеческого бытия, его новые границы. Мое «путешествие» привело меня к пониманию развития и функционирования нервной системы, к особенностям формирования сообществ, миров и культур, к тому способу их формирования, который был для меня абсолютно нов. Этот мир оказался познавательным и восхитительным. Новое знание требовало совершенно иного взгляда на старые проблемы, нового и неожиданного взгляда на язык, анатомию и культуру.

Мои изыскания очаровали и одновременно ужаснули меня. Я был в отчаянии, узнав, как много глухих людей лишено возможности полноценно общаться, а значит, и мыслить, и какая жалкая жизнь им из-за этого предусмотрена.

Но я сразу же осознал и другое измерение, другой мир возможностей — не биологических, но культурных. Многие глухие люди, с которыми мне довелось познакомиться, не просто владели настоящим языком, но языком совершенно иного сорта, языком, который обслуживал не только способность к мышлению (и на самом деле давал возможность такого восприятия и мышления, какие не могут даже вообразить слышащие), он служил средой общения для очень богатой культуры. Я ни на минуту не забывал о «медицинском» статусе глухих людей, но теперь я видел их в ином, «этническом» свете, как народ, обладающий своим отдельным

языком, своей системой понятий и собственной уникальной культурой².

На первый взгляд может показаться, что история изучения жизни глухих людей и их языка представляет весьма ограниченный интерес. Но я думаю, что на самом деле это далеко не так. Верно, что число лиц, страдающих врожденной глухотой, составляет менее одной десятой процента от всего населения, но проблемы, связанные с этими людьми, порождают вопросы огромной важности. Изучение жизни глухих показывает нам многое из того, что составляет сущность человеческого во всех нас — нашу способность к языку, к мышлению, к общению и культуре; показывает, что эта способность не развивается в нас автоматически, что она не является биологической по своей сути и что происхождение ее является продуктом социального и исторического развития; что эта способность — дар, самый чудесный из даров, передающийся от одного поколения к другому. Мы видим, что Культура так же важна для нас, как и Природа.

Существование визуального языка, языка жестов так же, как и поразительное усиление способности к восприятию и толкованию зрительных стимулов, которым сопровождается обучение языку жестов, показывает нам, что мозг обладает потенциалом, о котором мы раньше даже не догадывались. Перед нами раскрывается почти безграничная пластичность и неисчерпаемость нервной системы, всего человеческого организма, когда он сталкивается с новой ситуацией и вынужден к ней приспособиться. Да, наш организм уязвим и несовершенен, и есть много способов, которыми мы можем (часто непреднамеренно) навредить себе, но есть и неведомые, скрытые, но мощные силы, бесконечные

резервы, коими одарили нас Природа и Культура. Таким образом, хотя я надеюсь, что эта книга будет интересна глухим людям, их семьям, учителям и друзьям, мне думается, что она привлечет и широкую читательскую аудиторию, ибо содержит необычный взгляд на *conditio humana**.

Эта книга состоит из трех частей. Первая, «Мир глухих», была написана в 1985 и 1986 годах, и начиналась она как рецензия на книгу Харлан Лейн «Когда разум слышит». Рецензия разрослась в эссе к тому времени, когда она была опубликована (в «Нью-Йоркском книжном обозрении», 27 марта 1986 года), и позднее я вносил значительную правку и дополнял ее новым материалом. Тем не менее я оставил в книге некоторые формулировки и положения, с которыми в настоящее время уже не согласен, так как считаю, что надо сохранить оригинал, ибо он показывает, как я первоначально относился к предмету моих будущих исследований. К написанию третьей части, «Революция глухих», меня подтолкнул бунт в университете Галлоде в марте 1988 года. Эта часть была опубликована в «Нью-Йоркском книжном обозрении» 2 июня 1988 года и значительно переделана и расширена, прежде чем я включил ее в настоящую книгу. Часть вторая — «Мышление в жестах» — была написана последней, осенью 1988 года, но является в некотором смысле сердцевиной книги — по крайней мере это наиболее систематизированная часть, хотя и отражает свое, очень личностное отношение к предмету. Должен добавить, что я не считал необходимым придерживаться строго последовательного изложения, проводить красной нитью одну тему. Мне часто прихо-

* Состояние человека (*лат.*).

дилось делать экскурсии в смежные области, что значительно обогащало мое исследование³.

Хочу особо подчеркнуть, что в этой области я лишь сторонний наблюдатель — я не глухой, не владею языком жестов, не являюсь ни переводчиком, ни учителем. Я не специалист по развитию детей, не историк и не лингвист. Область эта, как убедится читатель, весьма спорная; в течение столетий она является ареной ожесточенных дебатов. Я, как уже было сказано, сторонний наблюдатель, не обладающий ни специальными знаниями, ни практическим опытом, но при этом у меня нет ни предубеждений, ни особых предпочтений, и я не точу топор на своих оппонентов.

Я не мог бы совершить свое исследование, не говоря уже о том, чтобы писать на эту тему, без дружеской поддержки многих людей. Прежде всего это глухие — пациенты, испытуемые, коллеги, друзья, — те люди, которые способны поделиться видением предмета «изнутри». Кроме них, естественно, это те, кто прямо и непосредственно занимается глухими, — семьи, переводчики и учителя. Самую сердечную благодарность я должен выразить Саре Элизабет и Сэму Льюису, а также их дочери Шарлотте; Деборе Таннен из Джорджтаунского университета; сотрудникам Калифорнийской школы для глухих во Фримонте, Лексингтонской школы для глухих, а также сотрудникам других школ и учреждений для глухих, в частности, сотрудникам университета Галлоде — Дэвиду де Лоренцо, Кэрол Эртинг, Майклу Кархмеру, Скотту Лидделлу, Джейн Норман, Джону Ван Кливу, Брюсу Уайту и Джеймсу Вудворду и многим, многим другим.

Я в неоплатном долгу перед теми людьми, которые всю свою жизнь посвятили изучению глухих и их язы-

ка — в частности, перед Урсулой Беллуджи, Сьюзен Шаллер, Хильдой Шлезингер и Уильямом Стокоу, которые щедро делились со мной своими мыслями и наблюдениями. Джером Брюнер, много и плодотворно размышлявший о ментальном и речевом развитии детей, был моим верным другом и проводником в моем «путешествии» в Страну Глухих. Мой друг и коллега Эльханан Гольдберг предложил новую теорию неврологических основ языка и мышления и тех форм, в каких они могут проявляться у глухих. Особое удовольствие я получил от знакомства с Харлан Лейн и Норой Эллен Гроус, чьи книги вдохновили меня в 1986 году, — их взгляд на проблемы глухих расширил мои представления о них. Несколько коллег, среди них Урсула Беллуджи, Джером Брюнер, Роберт Джонсон, Харлан Лейн, Элен Невилль, Изабель Рапен, Израэль Розенфилд, Хильда Шлезингер и Уильям Стокоу, читали рукопись этой книги на разных стадиях ее создания и высказали множество полезных критических замечаний, поддерживав меня, за что я им очень благодарен. Всем им я обязан моими знаниями (хотя за возможные ошибки несу ответственность я один).

В марте 1986 года Стен Хольвиц из издательства Калифорнийского университета доброжелательно отнесся к моему первому эссе и побудил меня развернуть его в полновесную книгу. В течение трех лет, которые потребовались для ее написания, он неизменно терпеливо меня поддерживал, воодушевлял и стимулировал. Пола Сизмар прочитала рукопись, сделав при этом массу ценных замечаний. Ширли Уоррен довела рукопись до набора, терпеливо внося сноски и исправления, которые я делал в последнюю минуту.

Я очень благодарен также моей племяннице, Элизабет Сакс Чейз, которая предложила название, — она обратила внимание на слова, с которыми Пирам обращается к Фисбе: «Я вижу голос...»*

После завершения работы над книгой я сделал то, с чего мне, конечно, следовало бы начать: я стал учить язык жестов. Особую благодарность я приношу моей учительнице Джейнис Римлер из Нью-Йоркского общества глухих и моим наставникам — Эйми и Марку Трагмен, которые упорно воевали с трудным, перерезлым учеником, убеждая меня в том, что никогда не поздно начать.

Но самую глубокую признательность я хочу выразить двум коллегам и двум издателям, которые сыграли решающую роль в том, что книга была написана и издана. Первый — это Боб Сильверс из «Нью-Йоркского книжного обозрения», который для начала прислал мне книгу Харлан Лейн, приложив к ней записку: «Вы никогда всерьез не размышляли о языке; книга Лейн заставит вас это сделать». И она заставила. Боб Сильверс обладает даром предвидения, он заранее знает, что может потребоваться другому человеку, хотя тот и сам еще об этом не догадывается. Он играет роль, если можно так выразиться, повивальной бабки идей, которые, по его мнению, должны вот-вот появиться на свет.

Второй я хочу назвать Изабель Рапен, которая была моим другом и коллегой на протяжении двадцати лет работы в колледже Альберта Эйнштейна. Она сама работала с глухими, пристально наблюдая за ними на протяжении четверти века. Изабель знакомила меня со своими пациентами, водила в школы для глухих, делилась

* «Пирам и Фисба» — вавилонская легенда, сохраненная древними греками и изложенная в «Метаморфозах» Овидия.